Историко-философский ежегодник
2024. Т. 39. С. 443–448
УДК 1(091)

History of Philosophy Yearbook
2024, vol. 39, pp. 443–448
DOI: https://doi.org/10.21146/0134-8655-2024-39-443-448

С.Л. Фокин. *Гений кривомыслия. Рене Декарт и французская словесность Великого Века*

М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 304 с.

Для цитирования: Кротов, А.А. Рецензия на книгу *Гений кривомыслия. Рене Декарт и французская словесность Великого Века*, С.Л. Фокин. *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 443–448.

For citation: Krotov, Artem A. Review of *The Genius of Wry Thinking. Rene Descartes and French Literature of the Great Century*, by Sergei L. Fokin. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 443–448. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 10.08.24
Принята к публикации / Accepted: 17.08.24

Книга профессора С.Л. Фокина о Декарте – событие замечательное, притом не только для представителей академической науки, но и широкого круга читателей. Авторский замысел выходит далеко за пределы решения стандартных задач научной парадигмы. Его цель – показать изнанку классической рационалистической модели, по возможности соприкоснувшись с внутренним миром ее творца, с многообразными, присущими ему психологическими изгибами и сомнениями.

Книга по праву может рассматриваться как важное дополнение достижений отечественной традиции в области картезианских штудий, в рамках которой присутствуют разноплановые и по идейным установкам, и по жанру исследования. Так,

© Кротов А.А., 2024

в монографии Н.А. Любимова (профессора Императорского Московского университета), выстроенной как развернутый комментарий к переводу «Рассуждения о методе», по существу, был представлен подробный анализ всей системы родоначальника рационализма в философии Нового времени с привлечением материала из главных работ Декарта и его переписки. С идеями Декарта Любимов связывал последующую историю идеализма, эмпиризма и материализма, а общее значение его трудов резюмировал следующим образом:

> Философия Декарта составляет эпоху в истории человеческой мысли и открывает собою тот ее период, в котором мы находимся и ныне[1].

В монографии Б.Э. Быховского, в соответствии с установками марксизма, проводилась мысль о научной ценности, но вместе с тем и теоретической непоследовательности картезианской физики, ограниченной теологическими положениями[2]. В.Ф. Асмус делал акцент на биографии Декарта, которую связывал с историей науки и философии. Он разворачивает биографию мыслителя как важную страницу

> из истории борьбы возникающей в XVII веке новой науки, в первую очередь нового естествознания и новой математики, против науки и мировоззрения схоластики[3].

В лекциях М.К. Мамардашвили, прочитанных в 1981 г. в Москве, доминирует иная установка – стремление соприкоснуться с экзистенциальным обликом Декарта.

> На мой взгляд, это самый таинственный философ Нового времени или даже вообще всей истории философии[4].

---

[1] Н.А. Любимов, *Философия Декарта* (СПб.: Балашев, 1886), 390.

[2] Б.Э. Быховский, *Философия Декарта* (М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940), 37–40.

[3] В.Ф. Асмус, *Декарт* (М.: Политиздат, 1956) 3.

[4] М.К. Мамардашвили, *Картезианские размышления* (М.: Изд. группа «Прогресс», Культура, 1993), 8.

В постсоветский период в диссертации Т.А. Дмитриева, опубликованной в виде монографии, был представлен историко-философский анализ «функциональных особенностей методического сомнения»[5].

На фоне упомянутых подходов к интерпретации творческого наследия Декарта книга С.Л. Фокина выглядит явлением неожиданным и вместе с тем способным заинтересовать даже весьма искушенного читателя. Автор с самого начала предупреждает, что не намерен заниматься реконструкцией системы Декарта в силу того, что о ней уже написано множество работ. Его интерес в ином – в освещении «обратной стороны» прямоты мысли Декарта, которая трактуется в качестве

> определенного рода кривомыслия, своеобразного иностиля, порожденного, среди прочих мотивов, необходимостью соблюдать разумную предосторожность в это суровое время, когда вольнодумство культивировалось не иначе, как под угрозой строгого наказания (с. 16).

Кривомыслие в понимании С.Л. Фокина не является негативной оценкой, равно как и чем-то сугубо индивидуальным, свойством некоего исключительного субъекта. Напротив, утонченное кривомыслие он рассматривает как особый признак эпохи, когда внешнее угнетение побуждает свободу искать внутреннего убежища, когда защита от тирании предполагает умолчание, секрет, определенную маску. Кривомыслие становится «изощренным искусством», но не ведет к отказу от дорогих сердцу идеалов.

> Таким образом, кривить душой – это значит уметь выразить свою мысль таким образом, чтобы не изменить истинному содержанию сознания, не изменяя вместе с тем действующим в обществе культурным, светским, религиозным установлениям (с. 18).

При этом автор книги отнюдь не стремится внушить читателю мысль о Декарте-революционере либо законспирированном

---

[5] Т.А. Дмитриев, *Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта* (М.: ИФ РАН, 2007).

вольнодумце. В этом отношении он остается на почве установленных фактов, проверенных временем свидетельств. Но при этом он обращает внимание на различные аспекты биографии Декарта, позволяющие оценить специфику и глубину сознания философа, равно как и связь его идей с культурными процессами эпохи. С.Л. Фокин затрагивает тему взаимоотношений Декарта с коронованными особами, но его труд – не сочинение политолога. Помимо политики, не менее значимая роль при рассмотрении «гения кривомыслия» отведена литературе. Параллели между философией и литературой «Великого Века», проводимые в книге, захватывающи и филигранно обоснованны. Также исключительно важна для книги тема формирования Декартом своего читателя, его трактат о методе рассматривается в качестве прототипа романа воспитания философа. Сюжет мира как басни справедливо подчеркивается С.Л. Фокиным как исключительно значимый для современных суждений о картезианстве. Тема «Декарт и ученые женщины» раскрыта и нестандартно, и увлекательно.

Исследовательская канва книги виртуозно вплетена в биографические рамки: от трех снов («рождение философа») до смерти («три медицины»). Автор книги – эрудит, суждения которого нередко вызывают ассоциации с трудами целого ряда упоминаемых в ней классиков. Сочинение С.Л. Фокина пестрит аллюзиями на множество текстов – от античности до постмодерна. Приведены они не ради красного словца, не с целью блеснуть культурным лоском, но для лучшего погружения в исследуемый контекст. Читателю ненавязчиво предоставляется выбор – приостановить ход чтения, внимательно проанализировать встретившуюся на его пути аллюзию, сопоставить напрашивающиеся смыслы с общим ходом изложения, либо вовсе оставить ее без внимания.

При этом общие выводы каждого этюда (раздела) книги сформулированы автором вполне четко, без излишней темноты, в духе картезианского подхода. Читателя поневоле захватывает общий ход размышлений автора книги, анализирующего потаенные, редко привлекавшие прежде отечественных ученых грани картезианской программы, показанной в ее становлении.

Особое достоинство книги – демонстрируемое ее автором основательное знание современной литературы вопроса, активное ее привлечение и обсуждение в ходе анализа центральных тем исследования. Дополнительную ценность (как и убедительность) всему труду придают приложения: сделанные С.Л. Фокиным переводы писем Декарта к королеве Кристине, а также переписка философа с Ж.-Л. Гез де Бальзаком.

Среди философских произведений Картезия С.Л. Фокин центральное внимание уделяет «Рассуждению о методе», при этом свой анализ систематично подкрепляет ссылками на его письма, что, безусловно, усиливает исследовательскую позицию. На философскую важность писем Декарта давно принято ссылаться (не случайно в юбилейном издании сочинений Декарта (1897–1913), подготовленном Шарлем Аданом и Полем Таннери, первые тома составляет именно переписка философа), но отнюдь не всегда авторы сочинений о нем действительно активно ее задействуют. В нашем случае такого рода упрек автору предъявить невозможно.

Если последовательно применять правила метода Декарта к истории философии, то составление исчерпывающих «перечней и обзоров» допустимо прочитывать как требование полноты в отношении всех возможных аспектов учения. В подобном ракурсе С.Л. Фокин как исследователь в методологическом плане выглядит продолжателем Картезия, самим фактом публикации своей книги подчеркивающим важность историко-культурного освоения и изучения модели родоначальника рационализма Нового времени.

Философия Декарта нередко сводится, даже в вузовском преподавании, к нескольким простым с виду формулам: методическое сомнение, принцип «cogito», дуализм. В действительности она сложна и многообразна – в ее связи с предшествующей историей, с современной литературой и политикой, с последующим интеллектуальными феноменами. Работа, проделанная С.Л. Фокиным, побуждает читателя освободиться от ряда стереотипов.

Конечно, в книге С.Л. Фокина, как уже упоминалось, нет полного анализа всего корпуса философских сочинений Декарта. Нет в ней и широкой историко-философской панорамы,

раскрывающей роль французского мыслителя во всемирной истории идей. Такие задачи она, впрочем, и не ставит, оставляя их решение другим ученым.

Книга С.Л. Фокина побуждает читателя не ограничиваться расхожими, устоявшимися, считающимися исчерпывающими оценками и подходами. Она побуждает к осознанию многогранности картезианского проекта. Она, несомненно, способствует усилению тенденции к развитию междисциплинарных исследований в области истории идей – том океане, где предстоит сделать еще немало увлекательных открытий.

А.А. Кротов

МГУ имени М.В. Ломоносова
119234, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, г. Москва, Россия.
krotov@philos.msu.ru